

Религиозное течение духовных христиан (молокан) в среде российского крестьянства XIX века

Юлия КРАСНИКОВА, СПбХУ, Санкт-Петербург, Россия

«Богословские размышления» / Спецвыпуск «РЕФОРМАЦИЯ 500», 2015, с. 64-74. © Ю. Н. Красникова, 2015

Красникова Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент СПбХУ, докторант РГПУ им. А.И. Герцена. Сфера научных интересов история Российской империи первой половины XIX века, особенности лидерства и управления в российском контексте. Автор 2 монографий, 14 учебно-методических пособий, более 50 научных статей, в том числе и в зарубежных научных изданиях.

Реформация в историческом контексте приобрела узкое понимание определённых событий, происходивших в Западной Европе в XVI веке, и их последствия. Но если разобраться в сути событий, то можно увидеть параллели в развитии русских и западных религиозно-общественных движений. Вопрос, насколько эти движения могут быть квалифицированы как реформационные, обычно не ставился. Вывод о том, что русский религиозный мир не был полностью изолирован от западного и что русский религиозный неконформизм представлял собой явление, типологически родственное западным городским ересям и реформации, был в целом принят.^[1] Большой актуальностью обладают исследования на предметное выявление своеобразия религиозных конфликтов и христианского «диссидентства» в России по сравнению с Западом, как в своеобразии русского религиозного опыта сказалась специфика православных конфессиональных традиций.

Свое исследование мы хотели выстроить, используя конкретно-исторический метод, который в данном контексте является наиболее востребованным. В статье мы не будем отвлекаться на историю разномыслия в России вообще. Своей задачей мы ставим изучить эволюцию религиозных взаимоотношений, и позицию конкретного человека в определенный про-

^[1] Малахова И. На смерть доктора исторических наук, лауреата премии им. Грекова – А. И. Клибанова. Библиотека Якова Кротова. // URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/li/banov.htm. Дата просмотра: 24.01.2015.

межутки времени. Доскональное изучение архивных материалов позволит нам провести историческую реконструкцию событий с мельчайшими ее подробностями. Текст доклада в основном построен на дореволюционных исследованиях и документах, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

Религиозная политика Российской империи XIX века менялась от правления к правлению, переходила от сдержанного либерализма, по отношению к неправославному населению, к консервативной критике и открытой реакции.^[2] Несмотря на это, в российской истории не было периода, чтобы внутри Православной церкви не возникали разномыслия. Со второй половины XVIII века начало распространяться учение молокан и все больше росло число их приверженцев. Основателем общин считается Семен Матвеевич Уклеин, прихожанин православной церкви. Он утверждал, что «Библия открыла ему духовное христианство в поклонении и служении Богу духом». С 1762 г. он стал формировать общины, «группируя около себя помощников из лучших грамотеев того времени». Три года он действовал свободно, но в 1765 году Тамбовская консистория донесла в Святейший Синод и назвала сформированные им общины «молоканиею», потому что «они не соблюдают установленных православной церковью постов, едят в постные дни скоромное и преимущественно молоко, как более употребительное в хозяйственном быту крестьян».^[3] Поэтому православные стали называть сформированные Семеном Матвеевичем общины «духовных христиан» молоканами. Сами же они настаивали на названии себя духовными христианами. Так, в 1828 году раскольники «жаловались, что контора (Тамбовская и Пензенская – авт.) несправедливо считает их молоканами, и что они суть духовные христиане».^[4]

Молокане большое значение уделяли чтению Библии, они отрицали крещение и миропомазание, исповедь и причастие, священство, законный (т. е. освященный православной церковью) брак. Протоирей Остромысленский сожалел: «Душевно скорбим мы о вас, что, будучи людьми простыми, неучеными, не зная ни науки, ни языков, выдумали вы себе, или, правильнее сказать, получили от какого-нибудь иноверца какую-то новую веру и новую церковь. Якобы духовную, христианскую, но без крещения и миропомазания, без исповеди и причастия, без священства, законного брака и елеосвящения, без уставов церковных и гражданских, без призывания в молитве не только ангелов и святых мужей, но и самой Матери Божией, без храмов Божиих, без святых икон и обрядов и даже без креста».^[5]

^[2] См. Красникова Ю. Н. Религиозная политика Департамента уделов по отношению к молоканскому движению в среде удельных крестьян в первой трети XIX века // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2011. – № 3-4. – С. 388-396.

^[3] Суворов П. А. Семен Матвеевич Уклеин. Распространитель и организатор на почве

священного писания молоканских общин в XVIII веке. – Баку, 1915. – С. 4.

^[4] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 122-123.

^[5] Остромысленский Е. А. Молокане. – Орел, 1881. – С. 4.

Когда в 1765 году Уклеин решил открыто заявить о своем учении и вошел в Тамбов для открытой проповеди, местная полиция схватила его и заключила в тюрьму. После года заключения он был отдан на увещевание православного духовенства. «Не желая напрасно пропадать без пользы для своего учения, он притворно раскаялся и обратился в православие; ходил шесть недель в храм православный, исполнял все церковные уставы и потому был выпущен из заключения».^[6] В первый год царствования Александра I была объявлена свобода духоборам, что придало решимости и Уклеину предложить всем молоканам избрать из своей среды поверенных для ходатайства пред императором о религиозной свободе. Для этого в 1805 году были избраны: Борисоглебский мещанин, Тамбовской губернии Петр Журавцев, и Воронежской губернии Новохоперского уезда, села Макарова Максим Лосев и села Песков Матвей Мотылев. Они лично подали прошение императору в СПб, и ходатайство их было удовлетворено.^[7] Молокане всегда трепетно относились к этой дате. 22-25 июля 1905 года они пышно отметили столетний юбилей значимого для них события на всероссийском съезде духовных христиан (молокан) в селении Воронцовка Бочалинского уезда Тифлисской губернии, где присутствовали наместник Его императорского Величества на Кавказе граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков. В первый же день празднования на имя императора была подана телеграмма: «Великий Государь! Мы, верноподданные сыны Твои молокане, собравшиеся ... для празднования столетнего юбилея самостоятельного существования нашей религиозной общины. Преисполненные глубокой благодарности за Твои Монаршия заботы о нас и Твои милости к нам. Возносим горячие молитвы к Престолу Царя Царствующих о здравии и благоденствии Твоем, Государь, и Августейшей Семьи Твоей. Молимся за вечный покой всех венценосных предков Твоих, не оставлявших нас своими милостями, и душевно разделяя с Тобой скорбь о тяжелых испытаниях, постигших наше дорогое отечество, молим о даровании мира державы Твоей».^[8] Но в истории движения не все было гладко в отношениях с государственной властью.

Нужно отметить, что Александр I не был сторонником распространения вольнодумства в среде крестьян. Даже несмотря на то, что являлся учредителем Российского Библейского общества, и неоднократно оказывал материальную помощь из личных средств на нужды библейского дела в России и распространения Священного Писания.^[9] Показателен случай, когда в 1823 году к Александру I пришли ходоки с просьбой защитить их от притеснений и насилия со стороны помещика, который запретил им читать Библию. Император просьбу ходоков оставил без удовлетворения, а их самих отправил в Земской суд.^[10] Религиозную политику Александра I по отношению к рас-

[6] Суворов П. А. Указ. соч. С. 6.

[7] Суворов П. А. Указ. соч. С. 8-9.

[8] Суворов П. А. Указ. соч. С. 11.

[9] Пыпин А. Н. Российское Библейское Общество: 1812 — 1826 // Вестник Европы. —

1868. — №№ 8, 9, 11.

[10] Красникова Ю. Н. «По прошениям, передаваемым лично Государю императору разными людьми в городе Царском Селе в 1821, 1822, 1823 гг.» // 300 лет Царскому

кольникам мы бы определили как осторожно либеральную; полной свободы вероисповедания предоставлено не было.

Воцарение Николая I ужесточило религиозную политику, в частности по отношению к молоканам. В 1837 году он писал сыну: «Молокане тоже дурная (ноша), с которой тоже постоянные строгие правила необходимы, как и для других. Но они не столь дерзки, ибо чувствуют, что не правы».^[11] Православная церковь рассматривалась Николаем «как государственное учреждение, призванное решать общенациональные задачи в земных интересах верноподданных», поэтому разномыслия воспринимались им как угроза государству в целом. В данном историческом контексте интересен конкретный прецедент, который произошёл во второй четверти XIX века в среде удельных крестьян-молокан.

Удельные крестьяне принадлежали на правах условной собственности членам императорской фамилии. Доходы с удельных крестьян являлись основной статьёй дохода их общего бюджета. Надзор за ними со стороны августейшей семьи, и особенно императора, был самым пристальным. Более того, верховная власть ещё при создании ведомства мечтала, что удельные имения станут образцовыми для всех хозяйствующих субъектов Российской империи.^[12]

До 1826 года, кроме параграфа 180 статьи 3 «Учреждения об императорской фамилии», постановлений о молоканах по удельному ведомству не было. Согласно статье, местным властям приказано «вразумлять о благочинии церковном, о долге каждого в посещении воскресных, праздничных и торжественных дней на службу Божию, и ежегодной в пост исповеди, и по удостоению святых Тайн причащения».^[13] Приходилось пользоваться общими узаконениями, в частности постановлениями Комитета министров, согласно которым крестьяне-молокане должны были переселяться в Мелитопольский уезд «в удельную, вновь заведенную деревню Нововасильевку, на отведенный под номером 5 общий для сего селения участок в числе 5.000 десятин».^[14] Таврическая губерния была не так давно присоединена к Российской империи, поэтому требовалось ее освоение. Но скорее всего, основной целью переселения все же было ограничение их миссионерской деятельности среди православных христиан и, в некотором смысле, облегчение их положения, так как на местах молокане часто притеснялись местными властями и жителями.

Как и их основатель, молокане официально не разрывали с православной церковью, пока их поведение не вызывало подозрения: «...и все по обряду сей секты тайным образом производили моление Богу, не оглашая себя отпавшими от правоверия». Периодически удельные власти открывали новых приверженцев духовных христиан, и казалось, что очередное обнаружение молокан закончится переселением к единоверцам. Но в 1827 году в отношении удель-

Селу. Сборник научных статей. — СПб., 2010. — С. 18-19.

^[11] Выскочков Л. В. Николай I. — М., 2006. — С. 183, 186.

^[12] Полный свод законов СПб., 1830. Собрание 1. Т. XXIV. №17906. С. 525-569.

^[13] Там же. С. 562.

^[14] РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 116-116 об.

ных крестьян практика применения общегосударственных норм становится иной. Так, Николай Павлович определил, чтобы крестьян, уличенных в молоканстве, отправлять в рекруты без зачета, если же окажутся не способными к военной службе (а такими причинами могли быть возраст, физические или психические заболевания) – в крепостные арестанты; детей осужденных, мужского пола, следовало направлять в военные кантонисты^[15]; а женщин – на поселение на Кавказскую линию или в Сибирь.^[16] Отдельно оговаривалось, что если в семье раскольников были девочки младше 10 лет, то их следовало оставить у родственников или желающих удочерить, так как могут «послужить в тягость матерям, которые имеют право вступить на поселении в замужество».^[17] Грудных детей отправляли вместе с матерями на поселение; после окончания грудного вскармливания ребенка, в соответствии с его полом, либо определяли в военные кантонисты, либо передавали на воспитание. Согласно распоряжению Департамента уделов от 1827 года расходы на отправку осужденных ложились на те селения, из которых они отправлялись.^[18]

Это было суровое наказание. Срок службы рекрута составлял 25 лет, рядовым. Поэтому, если повезет вернуться, то ушедший в армию молодой человек возвращался уже довольно зрелым мужчиной. Жизнь в Сибири или на Кавказской линии была полна лишений и трудностей. Но до места ссылки еще надо было добраться, почти пешком. Документы сохранили свидетельства, когда крестьяне погибали по пути в ссылку.^[19] Участь кантонистов также не была завидной. Известны случаи, когда матери бросали своих грудных детей под копыта лошадей, лишь бы их дети не оставались в военных поселениях из-за жесткой регламентации там всех сторон жизни. По мнению законодателей, страх перед таким наказанием должен был вернуть, особенно «сомневающихся», в лоно православной церкви. Для более «стойких» в вере, самым трудным испытанием было переносить разлуку с родными и близкими, ведь резолюция императора разлучала мужа и жену, родителей и детей. Так, крестьянин Оренбургской удельной конторы Федор Криволев, осужденный за мо-

^[15] Кантонисты – малолетние и несовершеннолетние мальчики, передававшиеся на воспитание в военное ведомство. Там их обучали в специальных школах, где на первое место была поставлена подготовка к военной службе. Толчок к появлению такого социального института дало появление в России военных поселений. Первоначально в кантонисты поступали дети военных либо сироты; так, например, число кантонистов значительно увеличилось после Отечественной войны 1812 года. В течение всего царствования Николая I число кантонистов постоянно увеличивалось. Кроме солдатских детей, на основании постоянно издававшихся постановлений, в кантонисты направлялись сыновья бедных жителей Финляндии и цыган, там кочевавших; польских мятежников, шляхтичей, недоска-

завших свое дворянство; раскольников; беспризорных детей и малолетних евреев-рекрутов. Институт кантонистов стоял в самой тесной связи с крепостным правом. Рекрут, выходя из крепостной зависимости, поступал со всем своим потомством в зависимость от военного ведомства. Именно поэтому уволиться из звания кантонистов было крайне сложно. Наименование «кантонисты» впервые появилось в 1805 году и сохранялось до 1856, до ликвидации самих военных поселений.

^[16] РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 115.

^[17] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 31-39, 46-52 об.

^[18] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 31-39, 46-52 об.

^[19] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 133-137 об., 145-147 об.

локанство, убежал из-под ареста, и, по его словам, отправился лично к императору, чтобы попросить не разлучать его с семьей, а отправить в ссылку всем семейством.^[20] Также документы свидетельствуют, что женщины возвращались в православие только ради своих малолетних детей. Крестьяне произносили слова раскаяния и уже будучи осужденными в надежде на возвращение домой: «...через понесенную меру наказания чувствуя заблуждение свое, отверглись учения молокан и изъявили желание навсегда обратиться к православной церкви».^[21] Правда, решения по таким просьбам разнились: одних крестьян, в основном осужденных к поселению, прощали и возвращали домой; других же оставляли на месте ссылки, особенно тех, кто попал на военную службу. Приверженность молоканской вере разделяла семьи не только в ходе судебных решений и сурового наказания, она приводила и к предательству внутри семьи. Так, в деле Якова Завгороднева только один из трех родных братьев пытался спасти Якова от ссылки, остальные свидетельствовали против него.^[22]

Священнослужители и местные власти использовали все методы для возвращения в лоно православия. Во всех случаях духовная консистория сначала проводила беседу с молоканами, а только потом «наиболее упорствующих» наказывали по суду. Кроме уговоров и вполне мирных средств применяли и меры принуждения, и устрашения, пугали карой Божией; когда это не помогало, грозили трудностями ссылки или военной службы, разлукой с близкими и т. п. Если эти средства приводили к положительному результату, то возвращенным в православие вменялось в обязанность точное исполнение предписанных церковных правил, за чем неусыпно должны были следить местные и духовные власти.

В правовой норме четко указывалось, что резолюция 1827 года касалась только удельных крестьян. Так, по делу 1827 года проходили и крестьяне казенного ведомства, решение судьбы которых было отдано на откуп Министерству внутренних дел.^[23] Интересно, что такого сурового решения по отношению к молоканам никто не ожидал. Министр уделов вторично подготовил доклад императору, в котором, ссылаясь на постановление Комитета министров от 1824 года, все же предлагал, как и представителей молокан из других сословий, выслать удельных крестьян в Мелитопольский уезд к единомышленникам. Но по отношению к крестьянам-молоканам удельного ведомства император остался непреклонен, оставив на документе повторную резолюцию: мужчин, заподозренных в ереси, отдавать в рекруты, а неспособных к службе – в Сибирь. Детей отдавать в кантонисты, женщин в Сибирь.^[24] Скорее всего такая непреклонность связана с особенностью ведомства, как образцового имения, не только в хозяйственном отношении, но и в нравственном.

^[20] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 160-161.

^[23] РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 115.

^[21] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 130-131.

^[24] РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 116-116 об.

^[22] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 514. Л. 29-30.

Осужденных на ссылку арестовывали, заковывали в кандалы, а когда в деревне не было кузнеца, то в «конские железа». После чего доставляли в Земскую полицию, иногда снабжая «приличную зимней и летней одеждой». Обычно для «лучшего в пересылке наблюдения» с ними командировался чиновник, например, приказной заседатель, которому и вручались деньги на дорогу и еду.^[25] Чиновник не весь путь сопровождал осужденного, но до ближайшего крупного центра. Случались и попытки побега из-под ареста. Так, крестьян Оренбургской удельной конторы, арестованных до отправки в ссылку, отпустил из-под стражи местный начальник Лукьян Иванов по их «убедительной просьбе». Один из беглецов был вскоре пойман с поддельными документами по пути в Симбирск, арестован и доставлен в Земской суд. Случалось, что крестьяне не доходили до места ссылки, а «терялись» в пути. Так, в 1828 году два человека не дошли до Таврической губернии, были объявлены в розыск. Также в розыске находился Сидор Парфенов с женой, которому изменили меру пресечения с поселения в Таврической губернии на рекрутство или Сибирь.^[26]

Вопрос имущества осужденных решался следующим образом. Если крестьянин переселялся к единомышленникам, то имущество продавалось, а деньги передавались к новому месту жительства (правда, не всегда доходили до адресата). Если же крестьянин осуждался на ссылку или военную службу, то имущество передавалось наследникам (из православных) или мирскому обществу, для уплаты до переписи податей и сборов. Иногда Департамент разрешал передать часть средств для ссыльных в качестве «вспоможения им». В 1828 году Департамент уточнил: право наследования имели только те из родственников, которые находились в ведении уделов, родственники других ведомств права наследования лишались.^[27]

Приведем два примера семей крестьян-молокан, которые являются довольно характерными для этого конкретного исторического периода. Осенью 1827 года неповиновение духовным властям оказала семья Кирилла Гаврилы Суслина. Его жена Агафья Павлова, дети: Михайло, Андрей, Осип, Парамон, а также брат его Иван с женой и двумя детьми, и сестра Кирилла Лукерья были осуждены за принадлежность к молоканской вере, ибо, «несмотря ни на какие увещевания, не обратились к прежнему православию». Кирилла Суслина и его брата Ивана рекрутировали, сына Кирилла, Михайлу, по молодости лет и малому росту отправили в крепостную работу в Херсонесское губернское правление. Малолетние сыновья Суслина — Андрей, Осип, Парамон, и дети Ивана — Ефим и Василий были определены в военные кантонисты. Жена Кирилла, Суслина Агафья Павлова, жена Ивана, Агафья Афанасьева, и сестра их Лукерья были отправлены на поселение в Сибирь в Тобольский приказ. Двух малолетних девочек было решено отдать на воспитание родственникам или посторонним людям. Находясь в тюремном замке, соборный

^[25] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 56-92, 111-117.

130-131, 182-182 об., 186-187, 192-195.

^[26] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 111-117,

^[27] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 133-137 об., 145-147 об.

священник Ефим Дьяконов навел на жен заключенных, после чего они согласились вернуться в лоно православной церкви вместе с детьми, на что дали письменное согласие. Интересно, что в данном конкретном случае крестьянок все равно отправили в ссылку, хотя чаще раскаявшихся оставляли на месте под надзор светских и духовных чинов. Это было связано с особенностями судопроизводства, и в данном случае уже было составлено определение губернского правления, которое было приведено в исполнение. Попало и радивым чиновникам, и священнослужителю, ведь согласно мнению полиции, «посылаемых в Сибирь арестантов ни под каким предлогом, кроме больных, не останавливать и не входить ни в какие переписки».^[28]

Также согласно отчету исполняющего обязанности управляющего Пензенской удельной конторой из села Михайловска были осуждены 9 семейств молокан: 8 человек были отданы в рекруты без зачета, 8 отправлены в крепостные арестанты, 12 крестьян мужского пола (в возрасте от 10 до 18 лет) – в батальон для прохождения военной службы, 12 мальчиков (4-9 лет) направлены в военные кантонисты, 6 мальчиков (2-5 лет) переданы на попечение батальонного командира, 1 ребенок (6 месяцев) и 1 (5 недель) временно были отправлены с матерями в Сибирь, так как находились на грудном вскармливании. 42 женщины – жены и дочери осужденных – отправлены на поселение в Тобольск.^[29]

После постоянных напоминаний со стороны Департамента о долге священнослужителя, они, все чаще в сопровождении местного начальства, отправлялись в деревни и села с целью увещевания. Так, в 1828 году после приезда священника в Пензенскую удельную контору, 128 молокан после «увещевания» перешли в православие».^[30] Иногда местные чиновники действовали самостоятельно. В 1826 году в Саратовской губернии из 66 человек, после приезда совета следователей и удельного стряпчего, в православие обратились 65 человек, «остался непреклонным к обращению в правоверие один только крестьянин Фатий Никифоров». С ним еще раз серьезно поговорили в удельной конторе, после чего крестьянин признался, что был вовлечен в молоканство по недоразумению, но во всем раскаялся и хочет «решительно» обратиться в православие. За своего сына просил и отец осужденного, который через соборного священника прислал бумагу. Духовное правление устроило испытания «в истинности раскаяния» и пришло к выводу, что в ересь был вовлечен лжеучителями, а ныне раскаивается и «желает быть присоединенным к православной Церкви, свидетельствуя Богом в чистоте намерения своего, сердце же его знает один Бог, а потому в правоте обращения его духовное правление уверить совершенно не может». Крестьянин был отпущен под расписку отца домой вместе с семьей, под наблюдение местного начальства и духовенства.^[31]

^[28] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 514. Л. 32-42.

^[30] РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 36. Л. 122-123.

^[29] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 130-136,

139-139 об., 147-147 об.

^[31] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 514. Л. 1-2, 20-26.

Механизмы «увещевания» церкви и властей часто приводили к нужному результату, но не всегда надолго. Так, крестьянин Саратовской удельной конторы Яков Завгоднев дважды переходил в православие и, несмотря на это, активно проповедовал свои идеи среди односельчан. Он и в третий раз «раскаялся», но тут уже духовная консистория проявила чудеса прозорливости и пришла к выводу, что он не раскаялся вовсе, а «один страх связывает язык его». Сам же он «редко ходит в воскресные и праздничные дни в церковь, но каждое воскресение и праздничный день читает в доме своем Библию и толкует оную другим к нему собирающимся, что все явно показывает состояние его в молоканской ереси, имеющей Святую Библию прикрытием незаконных толкований своих, иначе что бы препятствовало ему в сии дни ходить в церковь и, поучаясь догматам ее, заниматься изъяснением Божественного Писания в присутствии священника».^[32]

В феврале 1828 года протоирей Пензенского кафедрального собора Федор Островидов свидетельствовал, что удельный депутат коллежский регистратор Иван Мелисов, командированный для содействия к обращению в православную веру удельных крестьян с. Покровского, обратил в веру христианскую 128 человек, 27 из них были «окрещены». Молокане Иван Парфенов, Осип Парфенов, Иван Петрев, «явившись в приказ, письменно объявили, что они, по убеждению протоирея Островидова хотя и приняли христианскую веру, но ныне не имеют усердия к оной и обратились опять в молоканскую секту, которую никак оставить не могут».^[33]

Православные практиковали и направление молокан в монастыри для наставления в «правильной» вере. Так, в 1826 году Яков Федоров, Семен Савельев, Данила Иванов были направлены в пензенскую духовную консисторию, а оттуда в Спасо-Преображенский монастырь к настоятелю архимандриту Матвею. Все раскаялись, а Яков Федоров обещал обращать в православие прочих раскольников. Вскоре, впрочем, он же перестал ходить в православную церковь, поклоняться иконам и «приобщаться святым тайнам». А в 1830 году в монастырь было решено направить крестьянина села Покровского Родиона Иванова, который, «будучи два раза обращен из молоканской секты в христианскую веру; наконец решительно рассудил со всем его семейством... отступить в молоканскую секту, без возврата в православие». Вместе с ним этой мере подверглись 8 членов его семьи. В итоге его с женой сослали, а родственники год прожили в монастыре.^[34]

Наиболее опасными для властей были активные жители-молокане, именуемые «у них вождями», проповедниками и «наиболее упорствующие». При составлении списков молокан таких крестьян особо помечали. Чаще именно их ждало суровое наказание, для устрашения остальных.^[35] Чуть позже удельные власти ослабят наказания для удельных крестьян, все-таки основываясь

^[32] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 514. Л. 29-30.

^[33] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 514. Л. 33-38, 46-48.

^[34] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 164.

^[35] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 20-32, 39-43, 154-156 об.

на общегосударственной норме, а не на внутренних нормативных правилах. Уже в 1829 году 66 душ с. Покровского попросились на переселение в Таврическую губернию, было решено их оставить на местах своих, переселить только «именуемых у них вождями»^[36] Также оставили с единомышленниками удельного крестьянина, проживающего в Таврической губернии по плакатному паспорту, на руках он имел разрешение мира на переселение. Согласно резолюции, просьба была удовлетворена, так как он не был признан упорнейшим.^[37] Эти вопросы решались в индивидуальном порядке личной резолюцией императора, как и положено в стране с абсолютной формой правления. Такое послабление, скорее всего, было связано с тем, что крестьяне все-таки являлись важным экономическим ресурсом для уделов.

И вот парадокс – несмотря на все «увещевания» и суровое наказание для крестьян удельной деревни, количество приверженцев росло. Причину этому определил управляющий Оренбургской удельной конторой, который сам выехал на место для расследования. Он писал, что молокане ведут «жизнь скромную», имеют «трудолюбивое богомолье», именно это усердие и привлекает православных к ним, и они имеют «самопроизвольную к их секте преклонность». Он замечает, что они оплачивают повинности без «малейшей остановки», даже несмотря на то, что односельчане не допускают их к хлебопашеству.^[38]

Чем же духовные христиане (молокане) были опасны? Они были надежными налогоплательщиками, крепкими хозяйственниками (об этом свидетельствуют документы о продаже имущества), не употребляли спиртных напитков, имели крепкие семьи, часто были грамотны, так как читали Библию. Вся проблема была в том, что православие было провозглашено единственно возможной формой удовлетворения духовных потребностей, и в стране не были реализованы гражданские свободы.

Религиозная политика по отношению к раскольникам была неоднозначная, и развивалась, переходя от ограниченного либерализма к реакции. Часто под воздействием внешних факторов императоры были вынуждены идти на некоторые уступки, которые воспринимались как объявление свободы вероисповедания. Так, в 1905 году в день празднования молоканами памятной даты, о которой мы говорили выше, они зачитывали праздничные поздравления от императора и императрицы, а также от представителей дома Романовых, в частности от великого князя Михаила Николаевича, который писал: «Сердечно благодарим общество Тифлиссских молокан за теплый привет, буду завтра в молитвенном общении с вами, поздравляю с памятной годовщиной и желаю обществу дальнейшего процветания и благополучия».^[39] Вскоре начался новый виток гонений, который привел в итоге к эмиграции молокан в Канаду, где их сейчас проживает больше, чем на Родине. На самом деле религиозной свободы в полном смысле этого слова в России не было никогда.

^[36] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 154-156 об.

^[38] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 7-19.

^[37] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 513. Л. 170-172 об.

^[39] Суворов П. А. Указ. соч. С. 11-12.

Итак, религиозное течение духовных христиан (молокан) не прошло незамеченным как обществом, так и властями. Хотя в статье больший акцент был сделан на отношениях с государственными структурами. В крестьянском обществе взаимоотношения и взаимодействие между православными и крестьянами-молоканами развивались не менее драматично, но это тема отдельного исследования. Главное, что вызывает и удивление, и уважение одновременно, когда человек, не имея даже личной свободы в рамках крепостного права, учился отстаивать свою позицию.

Движение крестьян-молокан — это яркий пример процесса внутреннего духовного обновления, поиска, который затронет во второй половине XIX века как элиты, так и массы. Надо перестать смотреть на русскую духовную жизнь так же, как на нее смотрели иностранные посетители Москвы в XVI—XVII вв., во всей русской религиозности видевшие сплошное грубое суеверие. Скорее всего, они просто не понимали глубоких различий в христианской культуре России и Запада. Однако действительная проблема заключается не в том, что Россия не знала Реформации как эпохи религиозно-культурной эволюции. Здесь «проявилось не отставание в культурном и религиозном развитии, но различие в религиозных традициях, одна из которых, православие, уже по самой своей природе исключала разрыв между конфессиями, подобный произведенному Лютером и Кальвином на Западе».^[40] Важно не отсутствие реформации, подобной протестантской, а присутствие церковного раскола, который имел чрезвычайное значение для последующего развития России.

Библиография

- Высочков Л. В. Николай I. — М.: Молодая гвардия, 2006.
- Красникова Ю. Н. Религиозная политика Департамента уделов по отношению к молоканскому движению в среде удельных крестьян в первой трети XIX века // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2011. — № 3-4. — С. 388-396.
- Красникова Ю. Н. «По прошениям, передаваемым лично Государю императору разными людьми в городе Царском Селе в 1821, 1822, 1823 гг.» // 300 лет Царскому Селу. Сборник научных статей. — СПб., 2010. — С. 14-23.
- Малахова И. На смерть доктора исторических наук, лауреата премии им. Грекова — А. И. Клибанова. Библиотека Якова Кротова. // URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/li/banov.htm. Дата просмотра: 24.01.2015.
- Кротова. // URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/li/banov.htm. Дата просмотра: 24.01.2015.
- Остромысленский Е. А. Молокане. — Орел: тип. газеты «Орловский вестник», 1881.
- Полный свод законов Российской империи. — СПб., 1830. — Собрание 1. — Т. XXIV. — № 17906.
- Пыпин А. Н. Российское Библейское Общество: 1812 — 1826. // Вестник Европы. — 1868. — №№ 8, 9, 11.
- Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 515. Фонд Департамента уделов.
- Суворов П. А. Семен Матвеевич Уклеин. Распространитель и организатор на почве священного писания молоканских общин в XVIII веке. — Баку: тип. «Труд» С. Г. Берладир и Ко, 1915.

^[40] Малахова И. На смерть доктора исторических наук, лауреата премии им. Грекова — А.И. Клибанова. Библиотека Якова Кротова. // URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/li/banov.htm. Дата просмотра: 24.01.2015.